

Андрей
Малахов

Андрей
Малахов

О чем говорят...
по ту сторону экрана

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М18

Оформление переплета *Ф. Барбышева*

Фотографии *А. Малахова* на обложке
из личного архива автора

Малахов, Андрей Николаевич.

М18 О чем говорят... : по ту сторону экрана / Андрей Малахов. — Москва : Эксмо, 2015. — 576 с. — (Андрей Малахов. Закулисная жизнь известного ведущего).

ISBN 978-5-699-82209-6

Каждый вечер блистательный, искрометный Андрей Малахов появляется на телеэкране. Гостями его популярнейшего шоу становятся самые разные люди – знаменитые и нет, наивные и не очень, но с каждым из них талантливый журналист находит общий язык, и каждая его программа – это откровенный разговор по душам, с искренним сочувствием и откликом многомиллионной аудитории.

Герои программ Андрея Малахова предельно откровенны, делятся самым важным, а вот насколько откровенен сам ведущий? О своей работе, этапах карьеры, жизни по ту сторону софитов Андрей Малахов рассказывает в своих романах «Мои любимые блондинки» и «Моя вторая половинка». Жанр художественной прозы позволил автору многое завуалировать, что-то сознательно преувеличить, о чем-то пофантазировать. Романы самого известного тележурналиста ярко, живо и образно рассказывают о закулисной жизни телевидения и большой журналистики, в которой мечтают оказаться многие...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82209-6

© Малахов А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Мои любимые блондинки

*Папе,
который так и не дождался этой книги,
и моим любимым редакторам*

— Андрей! Эта маргиналка вышла голой!

— Она была в парео!

— Вы слышали, что она несла?!

— Все матерные слова в ее стихах были запиканы!

Зеленые глаза моего главного начальника темнеют, и он закуривает еще одну сигарету. Третью за последние 12 минут нашего не самого лицеприятного разговора в его кабинете на 10-м этаже Останкино.

— Одно появление этой... — он запнулся, — этой женщины — уже непристойность!

— Но она со своей травой и прибаутками — легенда Коктебеля! — Я продолжаю держать оборону, как 28 панфиловцев.

— Легенда Коктебеля — поэт Максимилиан Волошин! А это что? — Константин Львович берет со стола эфирную кассету и вставляет в видеомагнитофон.

На экране появляется крымский почтальон Людмила Павловна. Роскошное тело едва умещается в купальнике, на голове — раскидистый веночек. Босая Людмила Павловна вольготно расхаживает по студии и самозабвенно оглаживает окостеневших от растерянности мужчин засохшими пучками травы, приговаривая:

— Травя-пое...нь, чтоб стояло целый день! — полу-голая Людмила Павловна старается дотянуться сухим венчиком до лысого мужика во втором ряду. — Целый день до вечера, коли делать нечего!

Аплодисменты!

Я прилежно улыбаюсь, всем своим видом изображая, что ничего особенного в происходящем нет, но капельки пота предательски выступают на моем лбу. Последний раз я испытывал нечто подобное в школе, когда учительница литературы нашла у меня в учебнике письмо, где на двух листах было 25 нецензурных слов и выражений...

— Вы сами говорили, что мы должны показывать простых людей. — Я стараюсь не смотреть на экран, где продолжает бесчинствовать представительница крымского почтового отделения. — А трава, которую она продает на пляже, действительно помогает! — Я практически верю в то, о чем говорю, но под немигающим взглядом главного мне все-таки откровенно неуютно.

— Как кандидат биологических наук, я заявляю вам: «ебун-травы» не существует в природе! — Главный с каменным лицом еще несколько секунд смотрит на цельительницу. — Пучки, которыми она трясет, — обычный кермек лимониум!

— Это такая поэтическая аллегория! — не сдаюсь я.

— А тема программы? Тоже аллегория?

— Вполне корректное название — «Как победить импотенцию», и мы рассматривали проблему гораздо шире.

— Куда уж шире! Депутат Черепков с манифестом о политических импотентах — достойный финал эфира! Вас смотрят и дети!

— Значит, тему «У меня самая красивая грудь в России» детям можно. А эту нельзя? — не унимаюсь я.

В этот момент на экране Людмила Павловна как раз объясняла какой-то негодующей пожилой женщине с ярким румянцем, что детям ее трава тоже полезна.

— Чтоб пятерки почаще носили и у родителей ничего не просили! — и она легонько опускает пучок травы на бабушкину голову. От неожиданности та впадает в коматозное состояние.

Главный наконец не выдерживает.

— Нет, это клиника! — Он в сердцах гасит окурок.

— Нет, она самородок! Настоящий ньюс-мейкер! — я все-таки пытаюсь достучаться до Константина Львовича.

— Андрей! Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю! — Шеф встал из-за огромного стола. Этот стол — главный хранитель всех секретных переговоров и редакционных решений Первого канала.

— Но у шоу есть продюсер! За эфир отвечает она!

— Я говорю сейчас с вами! Откуда вы вообще ее достали? — Он нажимает на eject, и эфирная кассета с сеансом массового траволечения покидает видеоманитофон.

— Кого достал? Продюсера? — я делаю самые невинные глаза.

Главный шутку принял, с чувством юмора у него, слава богу, все в порядке, но последнее слово должно остаться за ним.

— Андрей, — шеф машинально потянулся за новой сигаретой, — пригласив вас с передачи «Доброе утро» работать на ток-шоу, руководство канала поверило в вас. Пожалуйста, не забываете об этом.

Свой последний день работы на программе «Доброе утро» я запомню надолго...

Девять лет утренних смен пролетели, как короткая рекламная пауза. Я уверенно иду по узкому коридору пятого этажа телецентра и вдруг вижу, что вход в мой рабочий кабинет загораживает пирамида из чьих-то коробок. Лучшего места свалить это барахло найти не могли! Я слегка пинаю в сторону эту хлипкую картонную конструкцию, и одна из коробок, падая, выпускает на волю своего пленника — тряпичного клоуна с одним глазом... Его мне подарил беленький мальчик, не помню, как его звали. Помню, он еще так мучительно краснел во время прямого эфира и немного заикался от волнения. Среди бойких товарищей по группе он выглядел потерянно. Когда встреча с одаренными детсадовцами закончилась и на канале пошли новости, я почувствовал, что кто-то осторожно дергает меня за пиджак.

— Вот, — и он, снова невозможно покраснев, протянул мне что-то пестрое. — В рюкзаке забыл. Это мы с мамой для вас сделали.

Я взял в руки маленького человечка из лоскутков...

— Только Витька ему глаз оторвал. — И беленький мальчик, улыбнувшись во весь рот, убежал к ожидающей его воспитательнице.

...«Почему я все время забываю пришить ему глаз?» — пронеслось в моей голове. Потом я наклонился, поднял с пола рыжего одноглазого человечка и, минуя двери своего кабинета, медленно пошел по коридору. На глаза навернулись слезы. Вы спросите, что случилось? Это были мои коробки, мои вещи! Их просто собра-

ли и выставили, хотя до моего официального перевода на новую программу оставалось целых полторы недели. И я ждал от начальства слов благодарности за ударный труд, и мне очень хотелось надеть наконец белый костюм от Gucci, в котором я не осмеливался появиться раньше. Я мечтал в свою пятницу попрощаться со зрителями и объяснить им, что получил предложение, от которого не могу отказаться. И еще мне казалось... Да ладно, все нормально. Мы с клоуном (единственной вещью из той моей жизни) благополучно переехали на другой этаж, в другой кабинет. В нем помимо меня ютились еще восемь человек, готовых сделать новое ток-шоу, о котором заговорит страна.

А в тот момент, обнаружив свои вещи в коридоре, надо было не размазывать сопли, а вспомнить еще раз историю с ночной рубашкой диктора ЦТ Татьяны Веденеевой.

Сразу после командировки Таня прислала заявление, где просила три дня отпуска по случаю собственной свадьбы. Но тогдашнее руководство Останкино, увидев, что это заявление написано на бланке из отеля Dorchester в Лондоне и отправлено по факсу, обиделось и сказала, что если «медовый месяц диктору Веденеевой дороже работы, то больше на эту работу она может не приходиться». Она и не пришла, а кружевная рубашка, в которой она часто ночевала в Останкино (ехать домой на пару часов бессмысленно), еще долго лежала в нашей редакционной. И все начинающие выходить в кадр пытались дотронуться до нее — на счастье. Кружевам это на пользу не пошло.

Знаете, почему многие мусульманки увешаны драгоценностями, словно наши новогодние елки? Потому что если муж заявит: «Не хочу с тобой жить!» — жена обязана подняться и, ни секунды не задерживаясь, в чем была, отправиться вон. Поэтому в мусульманских странах, где «работает» этот закон, на всех замужних дамах висят килограммы ювелирных изделий. Мало ли что!

Я шел с одноглазым клоуном по коридору и клялся, что впредь, покидая рабочее место, из всех вещей, которыми я обрасту, унесу с собой только то, что можно поместить в руках. Никаких подарков, бутылок со спиртным, папок, книжек, ручек, забавных стенгазет — полная стерильность. Мало ли что!

...Моя мама уже много лет не фотографируется. С того дня, когда умерла наша соседка по дому тетя Шура. Я помню, она угощала меня теплыми маленькими пирожками с капустой и теребила волосы: «Расти, Андрей, большой, не будь лапшой». Она улыбалась, и морщинки-лучики в уголках ее глаз становились заметнее. И про лапшу было совсем не обидно.

Ее не стало в ту осень, когда я начал учиться в Москве. Родных у Шуры не было, и новые жильцы, оставив себе мебель, быстро вытащили на помойку нехитрый Шурин архив. Мама идет с работы, ветер дует, листья летят. И возле нашего дома эти желтые листья вдруг превращаются в черно-белые фотографии. Их несет по двору, а на них — молодая Шура: вот она с подружками смеется, вот маленькая совсем, а эта, уже испачканная чьим-то грязным ботинком, с каким-то мужчиной, и Шура на него так удивленно смотрит...

Когда незнакомые люди наводят на маму объектив, она всегда уходит. «Самые счастливые моменты жизни, — уверена она, — должны оставаться в памяти. Тогда их никто никогда не затопчет. Не посмеет»...

— Добрый день! Добрый день! Добрый день! В эфире — самое горячее ток-шоу Первого канала «Большая стирка»! — бодро начинал я каждый будний день ровно в 17.00.

Точнее, все начиналось командами из аппаратной — нашего центра управления. В специальной комнате, где на множестве экранов отражается все происходящее в огромной студии, сидят продюсер, режиссер, его ассистенты, там же находятся сложный звуковой пульт и куча другой важной аппаратуры. Оттуда руководили всеми операторами, оттуда давали указания директору и редакторам за кулисами. Оттуда что-то подсказывали мне в маленький наушник в ухе. Короче, оттуда эфиром рулили.

— Пятая камера, — командует режиссер из аппаратной, — не заваливай Андрея. Так... Крупнее, левее... Так держи... 5, 4, 3, 2, 1! Внимание: мотор!

— Третья камера, отъедь подальше. — Режиссер приехал в аппаратную за 10 минут до начала эфира, поэтому сегодня особенно суров.

— До пивного ларька на ВДНХ достаточно? — шутиливо парирует оператор в студии. У него большие наушники и очень деловой вид — как будто он готов посадить на полосу «Боинг-747».

Вторник. Обычный эфирный день. Сегодня в 277-й раз я произношу наше фирменное:

— Настоящая жизнь и настоящие страсти! Не переключайте!

— За что дяде Андрею дают зарплату? — постоянно интересовался сын моей знакомой еще во времена моего пребывания на программе «Доброе утро». — Ведь он только и делает, что улыбается и разговаривает с красивыми женщинами?

Наверное, мальчик прав. А мальчики постарше пусть попробуют назначить свидание, скажем, Галине Вишневской на восемь часов утра, причем в кресле гримера Галина Павловна должна сидеть уже в семь...

Коллектив нашего ток-шоу на восемьдесят пять процентов состоял из прекрасных дам, и девяносто девять процентов этих дам были блондинками.

Секретарем редакции была Юлечка. Обретя пример для подражания в детстве (ей первой во дворе купили тонконогую Барби), Юля бюстом и глазами очень походила на свою любимицу. И перманентно пребывала в поиске подходящего Кена. Поэтому любимой Юлиной присказкой было: «Слова «нет» в лексиконе нет», — а партнеров она старалась менять так же часто, как меняются солистки группы «ВиаГра».

В отличие от американского прототипа, Юля была девушкой интеллектуальной и обожала кроссворды, особенно в журнале «Отдохни». Личный ее рекорд составлял всего двухдневное раздумывание над тем, что представляет собой овощ оранжевого цвета из семи

клеточек, первая буква «М». Разумеется, поиском ключей к таким шифrogramмам Юлечка занималась параллельно с секретарскими обязанностями. А так как две трети этих обязанностей составляли ответы на звонки телезрителей, то последним на особое отношение рассчитывать не приходилось. Услышав нежное сопрано, наивные абоненты принимались бурно радоваться:

— Боже! Неужели я дозвонилась?!!

Но она их быстро обрывала, произнося свое фирменное:

— Че вы хотите?

Но лапидарности ее надо воздать должное, телефоны трезвонили у нас не умолкая, даже ночью. Несколько раз из-за такой нагрузки на сеть телефонные линии в Останкино обрывались.

Если на Юле были связи внешние, то редактор по публике Наташа Бойко отвечала за связи внутренние. В ее ведомстве были зрители, приглашенные в студию. Бойко полностью оправдывала свою фамилию и к разогреву трехсот (а то и четырехсот!) человек в студии подходила решительно и без ложной скромности. Так пританцовывать, подпрыгивать, вращать бедрами и покачивать грудью больше не мог никто — даже солистки балета «Тодес» или легендарного трио «Экспрессия». Сильнее всех при этом Наташа разогревалась сама.

В первые месяцы работы Наташи на телевидении ее муж Петя, видя, что после рабочего дня супруга может заснуть даже стоя, недоумевал: чем же можно заниматься, чтобы так уставать? В юности после тренировок по тяжелой атлетике он тоже валился с ног. О том,